

МАРТЪ

РАДУГА

1860.

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВЕМЫЙ

ВЪ ОБОДОСИ, ПРИ АРМЯНСКОМЪ ХАЛИБОВСКОМЪ УЧИЛИЩЕ

НА ЯЗЫКАХЪ: АРМЯНСКОМЪ, РУССКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЕСЯЧНО.

Подписка принимается: въ Ободоси — въ конторѣ типографіи архан. халиб. училища, въ Тячмезѣ у г. Р. Падарова, въ Константинополѣ у г. С. Ангелозельма.

№ 3.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЖУРНАЛА:

За годъ	8 р. сер.	} съ перес.
Одной армянской части	6 . . .	
Одной русской съ армянскою	4 . . .	

Содержание: Очерки горной части Крыма. Балаклава и ея окрестности. (продолженіе.) — Des chemins de fer Russes en general et de la ligne du Sud en particulier. — Обзоръ главныхъ событий вѣстной полнѣи — Гарибальди. — Вѣсти съ Востока.

ОЧЕРКИ ГОРНОЙ ЧАСТИ КРЫМА.

I.

БАЛАКЛАВА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ. (*)

Исторія Балаклавы до завоеванія Крыма Русскими.

Балаклава, подобно многимъ другимъ мѣстностямъ въ Крыму, имѣетъ свою, весьма древнюю исторію. Если положиться на авторитетъ Карла Риттера, авторитетъ весьма значительный въ ученомъ мѣрѣ, то можно допустить вѣсть съ нѣмъ, что Балаклава есть портъ *Лестригоновъ*, упоминаемый въ *Одиссее*. И въ салонѣ дѣлъ, весьма

точное и подробное описаніе этой пристани, находящее у Гомера (какъ мы это покажемъ ниже) даетъ поводъ считать такое предположеніе чрезвычайно вѣроподобнымъ. Любуа де Монпере, соглашаясь съ Риттеромъ, излагаетъ это мнѣніе о балаклавской пристани довольно подробно. (*) Оно такъ любопытно, хотя

(*) Продолженіе. См. Радуга № 2.

(*) Т. VI. р. 110—117. Смъ также т. I. р. 59—61. т. III. р. 53. и т. V. р. 40.

сколько намъ извѣстно, не было еще нигдѣ высказано по-русски, что мы позволяемъ себѣ распространиться о немъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, придерживаясь въ своемъ изложеніи сочиненія г. Дюбуа. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какую важную роль, по мнѣнію Риттера, играли въ исторіи въ самыя отдаленныя времена берега Чернаго моря. (*)

Основываясь на дошедшихъ до насъ памятникахъ, представляемыхъ древнею географіею, археологіею, мифологіею, архитектурою и объясняя смыслъ религіозныхъ системъ древнихъ, Риттеръ силится доказать, что толпы индійскихъ жрецовъ, поклонниковъ Будды, вышедши изъ глубины Азіи, еще въ доисторическія времена Греціи, скоро появились въ Европѣ и стали селиться по берегамъ Фазиса, вокругъ Понта-Эвксинскаго, во Фракіи и по Дунаю, во многихъ мѣстахъ западной Европы и даже въ самой Греціи. Этни индійскіе поселенцы имѣли весьма сильное и весьма важное религіозное вліяніе въ тѣхъ странахъ, гдѣ они водворялись. Что таковъ былъ дѣйствительно ходъ древней цивилизаціи, что и религіозное и умственное развитіе грековъ обязано своимъ началомъ древнему Востоку — доказываютъ, по мнѣнію Риттера, не только историческія сказанія и преданія азіатскихъ народовъ; но это уясняется до очевидности главнымъ образомъ при изученіи уцѣлѣвшихъ фрагментовъ древнѣйшихъ историковъ самой Греціи и малой Азіи, особенно, при чтеніи Геродотова Описанія Скиѳовъ. Мы, европейцы, получивъ свѣтъ просвѣщенія изъ Греціи, съ давнихъ поръ усвоили себѣ и всѣ мечты національной гордости грековъ, и потому вмѣстѣ съ ними думаемъ, что Греція была колыбелью, гдѣ въ-первые зародился свѣтъ наукъ, цивилизаціи и религіи. Но вникнувъ поглубже въ смыслъ греческихъ мифовъ, занявшись внимательно изученіемъ Гомера, сказаніями о странствованіи аргонавтовъ, о фриковомъ баранѣ, о Геліосѣ и др., мы найдемъ, что греки сами болѣе или менѣе были просвѣщаемы тѣми народами, которыхъ они обыкновенно называли варварами. Царь и народъ, принявшіе аргонавтовъ, тиріане

(*) См. объ этомъ, кромѣ указанныхъ мѣстъ въ сочиненіи Дюбуа де Монпере, *Carl Ritter: Die Vorhalle Europäischer Völkergeschichten vor Herodotus, um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus.* Berlin 1820, p. 8.

и др. стояли на гораздо высшей степени цивилизаціи, нежели эта толпа авантюристовъ, которые, подобно норманамъ среднихъ вѣковъ, пришли ихъ грабить, нарушая всѣ законы гостеприимства. — Кажется, всѣ поэты и историки древности любили избирать поприщемъ, для изображенія подвиговъ своихъ героевъ, преимущественно берега Чернаго моря. Это подтверждаетъ, что древніе глядѣли на понтъ Эвксинскій, какъ на путь, по которому притекали къ нимъ богатства и цивилизація. (*)

До новѣйшаго времени сцену дѣйствій, описанныхъ Гомеромъ въ 10-й, 11-й и 12-й пѣсняхъ *Одиссеи*, приурочивали обыкновенно къ берегамъ Итали и Сициліи. Здѣсь обыкновенно искали и Лестригоновъ, и Циклоповъ, и Скиллу и Харибду. Но это ошибочно. Ибо, описывая странствованія Улисса, поэтъ имѣлъ намѣреніе заставить своего героя странствовать у тѣхъ негостеприимныхъ береговъ, которые, какъ ему казалось, находились на концѣ свѣта. Съ той минуты, когда Улиссъ достигаетъ страны Лестригоновъ, мы узнаемъ въ этой мѣстности берега Чернаго моря. Страна Лестригоновъ есть не иное что, какъ варварскій въ то время нынѣшній Крымъ, и Гомеръ очевидно его дикихъ обитателей — тавровъ называетъ Лестригонами, отъ греческаго *λεπτός*, что значитъ пиратъ, разбойникъ, *κλέφτης*.

Покинувъ поспѣшно портъ Лестригоновъ, Улиссъ достигнулъ тихихъ береговъ острова Эи, гдѣ владычествовала волшебница Цирцея, сестра Аэта. Эта страна очевидно и есть Колхида, или нынѣшняя Мингрелія, легко узнаваемая и по широкой рѣкѣ (Ріонъ), принявшей въ себя Улиссовъ флотъ, и по обширнымъ лѣсамъ, которые покрываютъ берега ея и въ которыхъ находятъ себѣ убѣжище дикія козы. Здѣсь и теперь еще вино также вкусно, медъ также свѣжъ, и женщины также, какъ и во времена Гомера проводятъ время свое, занимаясь вышиваньемъ. По картиности и богатству своей природы и по красотѣ

(*) Не можетъ-ли служить подкрѣпленіемъ этой мысли Риттера и то обстоятельство, что золото, добывавшееся въ странахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго, чрезъ это море приходило въ Грецію, и что вообще страны при-понтійскія имѣли для Эллады всегда большое значеніе. См. Сочиненія Грановскаго, Т. II. стр. 62 и 56.

жителей—это и теперь еще очаровательнѣйшая страна въ мірѣ.

Цирцея посылаетъ Улисса изъ Колхиды къ подземнымъ богамъ, чтобы онъ спросилъ оракула (душу Тирезія ѳивскаго) о своей судьбѣ. Когда онъ миновалъ Нептуново царство, находившееся, какъ ему казалось, на концѣ свѣта, онъ присталъ къ низменному берегу, отбѣнно-му высокими тополями и безплодными ивами. Это было обиталище киммеріянъ, покрытое густыми облаками и черною тьмою.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдованій извѣстно, что киммеріане обитали на керченскомъ полуостровѣ и на островѣ Тамани, гдѣ ихъ помѣщаютъ и Геродотъ и Страбонъ. Такъ какъ страна киммеріянъ лежала на самой оконечности Чернаго моря, то она и показала Улиссу предѣломъ Нептунова царства. Онъ пристае къ этимъ берегамъ и открываетъ здѣсь одинъ изъ входовъ въ подземныя страны: и по нынѣ существуютъ здѣсь горячіе ключи черной нефти, изливающие, подобно Кациту и Ахерону, свои смрадные воды; и грязные вулканы, во время изверженій,—выбрасывающіе цѣлые потоки кипящей грязи. Эти нефтяные ключи и вулканы постоянно измѣняли топографическое положеніе окрестныхъ мѣстностей. (*)

Изъ области киммерійской Улиссъ возвращается снова къ Цирцеѣ. Разставшись съ нею на пути въ Итаку, при выходѣ изъ Чернаго моря, онъ проходитъ между Скиллою и Харибдой, окруженныхъ шумно-волгующимися водоворотами и заслоняющихъ дорогу своими утесами. Это—знаменитыя, наводившія такой страхъ на неопытныхъ мореплавателей древности, *Κιανεισκία скалы* или острова *голубыхъ Симлегадовъ*, стоящіе у устьевъ Босфора еракійскаго, при выходѣ изъ Чернаго моря, и извѣстные всѣмъ, кто изъ Константинополя отправляется въ Крымъ. (**) Гомеръ подъ этими утесами никакъ не могъ разуть Мессинскій проливъ; ибо

(*) Нефтяными ключами и грязными вулканами изобилуютъ окрестности Керчи и таманскій полуостровъ. Последние представляютъ весьма любопытное явленіе природы: по временамъ грязь въ нихъ какъ-будто кипитъ, отдѣляя изъ себя углеродный и водородный газы.

(**) Σκιλλυαδες — ударяющіеся одинъ о другой. Эти двѣ скалы названы въ Одиссѣи *бродящими*. При проходѣ между ними судовъ, они сближались, и раздавливали ихъ, а потомъ снова разходились; между ними никакая птица пролетѣть не смѣла.

онъ говоритъ, что единственный корабль, которому удалось удачно пройти между ними, былъ *Argos*, когда онъ отправлялся въ Колхиду, за золотымъ руномъ.

Итакъ, почти нѣтъ никакого сомнѣнія, по словамъ Риттера, что берега Чернаго моря были тѣми таинственными странами, въ которыхъ разыгрывались нѣкоторыя изъ сценъ, описанныхъ Гомеромъ, и что въ иныхъ мѣстахъ по этимъ берегамъ, какъ напримѣръ въ Колхидѣ, основаны были, въ весьма отдаленныя времена, общества, достигшія высокой степени цивилизаціи.

Вотъ мѣсто изъ Гомера, въ которомъ описывается, по мнѣнію приведенныхъ нами авторовъ, балаклавская пристань. Мы приводимъ здѣсь это мѣсто изъ Одиссеи въ переводѣ Жуковскаго.

Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись
подлѣ

Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя
бездны

Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.
Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань
проникнувъ,

Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега
тѣснымъ

Рядомъ поставивъ: тамъ волкъ никогда ни великихъ,
ни малыхъ

Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.
Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленнѣ
отъ прочихъ,

Около устья канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ
озираясь:

Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ
полѣ;

Изрѣдка толко, взвиваяся, дымъ отъ земли подымался. (*)

Трудно нарисовать болѣе вѣрную и болѣе ясную картину Балаклавы, чѣмъ она изображена въ этихъ стихахъ старика Гомера, почти за три тысячи лѣтъ до нашего времени! У входа въ пристань стоятъ здѣсь и по-нынѣ два высокіе утеса, выдвинувшіеся въ самую глубину воды и какъ-бы приближающіеся одинъ къ другому, оставляя весьма узкій проходъ, по направленію къ югу, едва достаточный для того, чтобы разойтись двумъ кораблямъ. Ширина залива простирается до 800, а глубина до 600 фут.; вода имѣетъ изъ—зелена темный, мрачный цвѣтъ. Миновавъ узкій проходъ, бухта начинается расширяться до 1,200 фут., а глубина воды идетъ

(*) См. Одиссея, Пѣснь X., 87—99.

уменьшаясь отъ 500 до 30 фут. Въ длину весь заливъ имѣеть около одной англійской мили.

Этотъ заливъ и въ геологическомъ отношеніи представляетъ весьма оригинальное явленіе. Глубоко вдавшись, при началѣ своемъ, въ скалы, состоящія изъ мѣловаго мрамора(*) и конгломерата, онъ оканчивается черноватымъ шиферомъ, переходящимъ въ бассейнъ мѣловой формациі.

Гдѣ бы Улиссъ ни ступилъ на землю — съ правой или съ лѣвой стороны залива, — отовсюду страшныя скалы окружаютъ берегъ, съ вершинъ которыхъ онъ не могъ увидѣть ничего другаго, кромѣ бесплодной каменистой почвы, почти лишенной растительности, исключая нѣсколькихъ можжевеловыхъ кустарниковъ; не могъ онъ здѣсь видѣть ни борозды, проведенной плугомъ, ни другихъ слѣдовъ труда человѣка: только дымъ одинъ могъ указать ему на сокрытый между скалъ городъ Лестригоновъ.

Вотъ какъ Улиссъ разказываетъ далѣе у Гомера:

Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ
и выбралъ

(Третій былъ съ ними глашатай) и свѣдаты послалъ
ихъ, къ какимъ мы

Людемъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной,
достигли?

Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ
доставлялись

Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ; за водою съ
кувшиномъ

За городъ вышла она; Лестригонъ Антифатъ былъ
отецъ ей;

Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ
которомъ

Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ
Къ ней подошедши, они ей сказали: желаемъ узнать мы
Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшней
страною?

Домъ Антифата отца своего она имъ указала.

Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супруга
владыки

Встрѣтили ростомъ съ великую гору — они ужаснулись.
Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата
Вызвать; и онъ прибѣжавъ на погибель товарищей
нашихъ,

Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе
Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возврати-
лись; онъ же

(*) Крымскіе мраморы и порфиры суть породы діоритовъ и плотныхъ известняковъ — красноватаго и сѣроватаго цвѣта. Они способны принимать нѣжную и весьма тонкую полировку, и идутъ на самыя изящныя мраморныя работы.

Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ;
на громкій

Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа Лестригоновъ могу-
чихъ;

Много сбѣжалось ихъ, великанамъ, не людямъ подоб-
ныхъ.

Съ крути утесовъ они, черезъ силу подъемныя камни
Стали бросать; на судахъ поднялася тревога — ужас-
ный

Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенія снастей;
тутъ злосчастныхъ

Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ наизлали на колья
и въ городъ

Всѣхъ унесли на съѣденіе.....(*)

По какому направленію ни пошли-бы послан-
ные Улиссомъ глашатай и два его товарища,
они во всякомъ случаѣ должны были выйти въ
мѣловую балаклавскую долину, куда, вѣроятно
и прежде, подобно тому какъ теперь, жители
вывозили изъ окрестныхъ лѣсовъ дрова, такъ
какъ окружающіе Балаклаву утесы совершенно
безлѣсны. Слѣдуя этимъ путемъ, спутники Улисса
пришли къ оконечности залива, гдѣ и теперь
существуетъ единственный источникъ свѣтлой
воды, или, какъ онъ назывался въ то время, —
фонтанъ нимфы *Артакии*, появившій водою
всѣхъ жителей города. Молодая дочь Анти-
фата, царя Лестригоновъ, указала имъ высокія
ворота дворца, возвышавшагося до небесъ, по-
строеннаго безъ сомнѣнія на томъ мѣстѣ, гдѣ
мы видимъ теперь развалины балаклавской крѣ-
пости. Это были царскія палаты, основанныя
Ласпомъ, древнимъ царемъ Лестригоновъ.

Дикій Антифатъ, вѣрный тому характеру, ка-
кой древніе приписывали обыкновенно таврамъ,
хватаетъ одного изъ посланцовъ Улиссовыхъ и
пожираетъ его; а два другихъ спасаются бѣг-
ствомъ. Между тѣмъ, въ городѣ поднялася тре-
вога; народъ, завидѣвъ въ пристани флотъ Улисса,
бросается на него со всѣхъ сторонъ.

Тотъ, кто знакомъ съ балаклавскою бухтой,
легко себѣ можетъ представить до какой поразит-
ельной вѣрности представлена Гомеромъ эта
картина жестокаго разрушенія! Въ его разказѣ
описаніе мѣстностей строго соглашено съ дѣй-
ствительностію, какъ-бы Гомеръ находился здѣсь
самъ во время описаннаго имъ нападенія Лестри-
гоновъ на Улисса и его спутниковъ.

Но вопросъ — на сколько справедливы всѣ

(*) Одиссея, П. X. 100 — 125.

изложенныя здѣсь соображенія относительно Балаклавы — мы не беремся разрѣшать и представляемъ только эти соображенія на судъ читателей.

Несомѣнно однако то, что любознательность и духъ предприимчивости влекли отважныхъ дѣтей Эллады далеко за предѣлы греческаго міра, и они, какъ извѣстно, весьма рано познакомились съ берегами Понта Эвксинскаго. Въ классическихъ воспоминаніяхъ древности эллинскимъ колоніямъ, основаннымъ въ Крыму, отведено весьма видное мѣсто. *Пантикапелъ*, *Теодосія* и *Херсонисъ* оставили намъ много несомѣнныхъ слѣдовъ своей хотя давно-изчезнувшей, но блестящей жизни. Такъ какъ исторія этихъ колоній имѣетъ связь съ нашимъ описаніемъ, то да будетъ намъ позволено сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Пантикапелъ заложена была не на самомъ полуостровѣ, а на берегу Босфора таврическаго или киммерійскаго, близъ того мѣста, гдѣ стоитъ нынѣшняя Керчь. Основанная милетцами, *Пантикапелъ* была одною изъ важнѣйшихъ греческихъ колоній въ Крыму. По описанію Страбона, это былъ весьма значительный по своей торговлѣ городъ, расположенный амфитеатромъ по скату горы и защищенный акрополемъ. Онъ имѣлъ укрѣпленный портъ и открытую гавань для торговыхъ судовъ. Въ послѣдствіи *Пантикапелъ* была переименована въ *Босфоръ* и сдѣлалась столицею знаменитаго босфорскаго царства, принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ древняго міра.

Владѣнія босфорскія, въ цвѣтуція времена царства, простирались отъ таврическихъ горъ до хребта кавказскаго. (Dubois, t. V p. 129). Вѣтъ Крыма они обнимали на сѣверъ — страны до *Танаиса* (Дона), а на югъ — Колхиду, малую Арменію, часть Понта и нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ кавказскихъ горъ. На самомъ полуостровѣ босфорцы часто держали въ своей власти *Теодосію*, *Херсонисъ* и другіе греческіе города.

Теодосія стояла неподалеку отъ нынѣшняго города того-же имени. Она была основана, по свидѣтельству автора (безыменнаго) одного изъ перипловъ Понта-Эвксинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился торговый городъ тавровъ — *Ардава* или городъ *семи боговъ*. Отсюда, какъ

разсказываетъ Геродотъ, тавро-скиѣы вели далекую торговлю съ Индіей. *Теодосія* эллинская была богатою и цвѣтущею колонією милетцевъ. Страбонъ, говоря о ней, описываетъ ее такъ: «Окрестности *Теодосіи* чрезвычайно хлѣбородны; посѣянный хлѣбъ родится самъ 30; обширная гавань ея можетъ вмѣщать до 100 кораблей.» (*) А Демосѣенъ въ одной рѣчи своей сказалъ, что во время бывшаго въ Атикѣ голода, изъ одной *Теодосіи* прислано было хлѣба болѣе, нежели отъ всѣхъ прочихъ городовъ. Она долго жила самостоятельною жизнію и сопротивлялась могуществу царей босфорскихъ. *Сатиръ*, (въ 393 году до Р. Х.) осаждая *Теодосію*, былъ убитъ подъ ея стѣнами. Но сынъ его, *Левконъ I-й* былъ счастливѣе; онъ успѣлъ присоединить *Теодосію* къ босфорскому царству (какъ кажется впрочемъ — въ силу договора, а не побѣды), оставивъ этой колоніи ея муниципальное управленіе. *Теодосія* имѣла свою собственную монету (Dubois, t. V. p. 281).

Развалины древняго *Херсониса* открыты верстахъ въ двухъ на западъ отъ новыхъ развалинъ нашего славнаго Севастополя, на небольшомъ полуостровѣ, извѣстномъ подъ именемъ *ираклійскаго* или *трахейскаго*. Основаніе *Херсонису*, въ VII. вѣкѣ до нашей эры, положили выходцы изъ *Иракліи* — города въ Вивонніи, на противоположномъ берегу Чернаго моря. Въ исторіи Крыма *Херсонисъ* занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. И древніе писатели и новѣйшія историческія изслѣдованія указываютъ на богатство *Херсониса*, на его важное торговое и политическое значеніе для древняго міра.

Небольшой ираклійскій полуостровъ (на которомъ стоялъ *Херсонисъ*) высокій и каменистый, съ трехъ сторонъ омываемый моремъ, какъ бы отрѣзанъ отъ остальной части Крыма ровною и весьма небольшою долиною, идущею между *Инкерманомъ* и *Балаклавой*. Онъ имѣетъ видъ треугольника, основаніе котораго отъ Черной рѣчки до балаклавской бухты составляетъ около 8-ми верстъ, а окружность по берегу моря отъ 45 — 50-ти.

Паласы въ 1793-мъ и Муравьевъ-Апостоль въ 1820-мъ г. видѣли еще слѣды стѣны съ

(*) Strab., Rerum Geogr., lib. VII. 309.

башнями и остатки рва, о которых упоминает Страбонъ, и которые устроены были херсонисцами для защиты ираклійскаго полуострова отъ нападенія варваровъ. Но теперь, а особенно послѣ войны, слѣдовъ этихъ вовсе не замѣтно; хотя направление этой крѣпостной стѣны можно и теперь еще обозначить безошибочно.

Начинаясь у Черной-рѣчки, она вѣроятно шла немного выше Инкермана, вплоть до самой Балаклавы, на разстояніи 7-ми съ небольшимъ верстъ и простиралась до подошвы возвышенностей, стоящихъ параллельно той небольшой равнинѣ, на которой, во время минувшей войны, до балаклавскаго дѣла, расположена была лагерь большая часть англійской арміи и французская дивизія генерала Боске.

Все это пространство земли занято было у херсонисцевъ подъ загородные дома и сады. На нихъ еще и поныиъ ясно указываютъ и основанія большихъ четырехугольныхъ оградъ, заключающихъ въ себѣ обработанную землю, и уцѣлѣвшіе, на нѣкоторыхъ скатахъ, искусственныя террасы изъ насыпной земли.

Видно по всему, что мѣстность между Инкерманомъ и Черной-рѣчкой была обитаема трудолюбивымъ и дѣятельнымъ населеніемъ, — и превосходно обрабатывалась.

Теперь Черная-рѣчка, не доходя до инкерманской бухты, теряется въ болотъ, поросшемъ высокимъ камышемъ; отчего вся инкерманская долина весьма нездорова и зараждаетъ убійственные лихорадки. Судя по этому, надо бы удивляться, какимъ образомъ она могла быть такъ густо населенною въ древности? — Но, въ древности, эта мѣстность не могла имѣть такого вреднаго вліянія на здоровье жителей потому, что на мѣстѣ нынѣшнихъ стоячихъ болотъ Черной-рѣчки разстилались цвѣтушіе сады херсонисцевъ, и вся излишняя вода изъ рѣчки, не нужная для ихъ орошенія, истекала въ море. (*) Образованныя колоніи эллинскія принесли сюда зрѣлыя идеи своей общественной жизни, и упорнымъ, разумнымъ трудомъ заставляли природу служить своимъ житейскимъ потребностямъ. По мнѣнію г. Дюбуа, на пространствѣ небольшого ираклійскаго полуострова находилось до 12-ти деревушекъ (hameaux ou villages) и до 300 заго-

(*) Dubois, t. VI. p. 264.

родныхъ домовъ херсонисцевъ, большихъ и малыхъ, и кромѣ того, — еще оставалось достаточно обработанной земли для садовъ и огородовъ жителей. (*)

Вотъ въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находились — балаклавская долина, утесы и крутые берега, окружающіе долину со стороны моря и мѣстность около Инкермана, по словамъ Мартына Броневскаго (**) еще въ XVI. столѣтіи; «Перешеекъ» (*Isthmos* — которымъ полуостровъ ираклійскій соединялся съ таврическимъ, или лучше — балаклавская долина) «представляетъ ровную и плодородную почву; но онъ обставленъ горами и холмами, на которыхъ разстилаются безчисленные виноградники и фруктовые сады». — И въ другомъ мѣстѣ: «На этомъ перешейкѣ (ираклійскомъ полуостровѣ) видны фруктовые и увеселительные сады, многочисленные и прекрасные виноградники, заведенные некогда греками (нынче они называются Бельбекомъ), которыми владѣютъ теперь греки — христіане, итальянцы, евреи и немногіе турки.» (***)

Балаклава, находясь среди этой мѣстности и состоя въ самомъ близкомъ соудствѣ съ Херсонисомъ, этою богатою и торговою колоніею ираклійскою, безъ сомнѣнія, должна была жить одною съ нею жизнію и раздѣлять ея торговыя выгоды.

Балаклавская гавань, называемая Страбономъ узко-устью — *Λιμὴ στενωπόριος* — была извѣстна этому знаменитому географу древности подъ именемъ гавани или залива *Символовъ* — *Συμβόλων λιμῆν* «За древнимъ Херсонисомъ слѣдуетъ портъ съ весьма узкимъ входомъ; въ этомъ мѣстѣ особенно — тавры, народъ скискій, устроили свои разбойничьи притоны (*ληστῆρια*) откуда нападали на всѣхъ, кто рѣшался пристать къ ихъ странѣ.» (lib. VII. 288.)

Арріанъ и Константинъ порфирородный называютъ портъ этотъ *Symbolon*, генуэзцы *Cembalo*, *Cimbaldi*, а М. Броневскій *Jamboldum* или *Jamboli*.

(*) Dulois, t. p. 174

(**) *Martinus Broniovius*. Король польскій, Стефанъ Баторій послалъ его два раза посломъ къ татарамъ. Онъ составилъ подробное описаніе посѣщенныхъ имъ странъ, — «*Tartariae Descriptio*» изданное въ первый разъ въ Кѣльнѣ въ 1596-мъ году.

(***) *Ibid.* p. 182 et 187. In eo isthmo pomaria, horti, vineae plurimae et optimae a graecis quondam cultae (Belbecum nunc etiam appellantur), quas Christiani Graeci vel Itali et Iudaei paucique Turcae nunc possident, in loco eodem visuntur.

Полагаютъ, что нынѣшняя Балаклава есть древній *Палакіонъ*, о которомъ также упоминаетъ Страбонъ. Онъ говоритъ, что херсонисцы, безпокоемые сосѣдними скиѣами, вынуждены были обратиться къ Митридату Евпатору, царю понтійскому, и просить его покровительства. Митридатъ, замышлявшій тогда черезъ Крымъ и югъ Россіи открыть себѣ дорогу къ римлянамъ, принялъ предложеніе херсонисцевъ и послалъ къ нимъ на помощь войско, подъ командою одного изъ полководцевъ своихъ, Діофанта, который и вступилъ вмѣстѣ съ херсониситами въ войну противъ скиѣовъ, находившихся въ то время подъ властію царя Скилура и его сыновей. Во время этой войны полководцы Митридата овладѣли тремя скиѣскими крѣпостями: *Палакіономъ*, *Хавономъ* и *Неаполисомъ*, построенными Скилуромъ и его сыновьями на таврическомъ полуостровѣ, для защиты владѣній своихъ отъ херсонисцевъ. Страбонъ рассказываетъ далѣе, что Діофантъ, разбивъ скиѣовъ и желая обезпечить за собою свободный выходъ изъ херсонискаго полуострова и вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить херсонисцамъ разработку одного соленого озера, находившагося на западномъ берегу полуострова, — около этаго озера построилъ крѣпость *Евпаторіонъ*. Въ то же время Діофантъ разбилъ царя роксолановъ, Тасія, который, съ 50 т. войска, пришелъ на помощь къ сыну Скилурову, *Палакосу*.(*)

Отъ этаго-то скиѣа Палакоса и стараются произвести самое названіе Балаклавы. Такое мнѣніе болѣе всѣхъ развилъ одинъ изъ прежнихъ крымскихъ археологовъ, Бларембергъ.(**) Принимая за Тавро-скиѣію всю южную часть полуострова отъ Балаклавы до Феодосіи, Бларембергъ старался доказать, что изъ трехъ скиѣскихъ крѣпостей, упоминаемыхъ Страбономъ, *Палакіонъ* находился на западѣ, при нынѣшней Балаклавѣ, *Неаполисъ* — въ центрѣ, при Симферополѣ, а *Хавонъ* — на востокѣ тавро-скиѣскихъ владѣній, близъ Феодосіи.

Но мнѣніе это сильно потрясено бывшимъ профессоромъ рижельскаго лицея П. В. Беккеромъ въ изданномъ имъ (1857 г.) въ Лейп-

цигѣ разсужденіи: *Die Herakleotische Halbinsel*, гдѣ почтенный профессоръ, по словамъ Ф. К. Бруна; приводитъ убѣдительные доводы въ пользу мнѣнія, что всѣ три тавро-скиѣскія крѣпости должны были находиться на восточной границѣ ираклійскаго полуострова. Хотя и самъ г. Беккеръ крѣпость Палакіонъ помѣщаетъ гдѣ-то возлѣ Балаклавы, но это однако не заставляетъ г. Бруна отказаться отъ мнѣнія, что сходство именъ Балаклавы и Палакіона — часто случается, подобно сходству именъ тавровъ и татаръ.

Г. Брунъ находитъ, что Броневскій гораздо проще произвелъ настоящее названіе Балаклавы отъ турецкаго *балыкъ* — рыба. Вотъ объ этомъ слова Броневскаго: «Греческій Ямболдумъ или Ямболи турки называютъ *Балаккою* — (*Balacheium*), какъ бы крѣпостію или убѣжищемъ рыбъ; ибо море въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно изобилуетъ рыбою.» — *Iamboldum sev Iamboli graeci Balacheium quasi piscium arcem et civitatem eam, (nam in eo loco mare piscium ferax est); Turcae dixerunt.* Принявъ въ соображеніе это обиліе рыбы въ балаклавскомъ заливѣ (о чемъ мы скажемъ ниже) болѣе естественнымъ кажется согласиться съ изъясненіемъ имени Балаклавы, приводимымъ Броневскимъ, какъ оно ни старо и какъ ни кажется смѣшнымъ г. Кеппену, (*) нежели производить это названіе отъ скиѣскаго царевича Палакоса. Въ пользу этаго мнѣнія могло бы служить еще и то, какъ справедливо замѣчаетъ Ф. К. Брунъ, что въ дѣлахъ крымскихъ, подъ 1585-мъ годомъ, этотъ городъ названъ «Балыклей», и что имя это дается разнымъ другимъ мѣстностямъ, гдѣ турки занимались рыболовствомъ.

Любопытно при этомъ сравнить, что одна изъ греческихъ церквей въ Константинополь, построенная во имя пресв. Богородицы, неподалеку отъ городскихъ стѣнъ, противъ Золотыхъ воротъ, называется турками, а отъ нихъ и всѣми христианами на Востокѣ, церковью Богородицы въ *Балыклей* или *Богородицы балыклейской*, вѣроятно на томъ основаніи, что при этой церкви находится источникъ, въ которомъ и понынѣ плаваютъ семь золотистыхъ рыбокъ, чудесно

(*) Strab. VII. 306, 309 и 312.

(**) De la position des trois forteresses Tauro-scythes, dont parle Strabon. Odessa 1831.

(*) Крымск. Сборн. Прим. 311.

сохраняющихся, [по преданію, отъ самаго дня занятія турками Константинополя. (*)]

Изъ приведенныхъ словъ Броневскаго мы видѣли, что греки-византійцы называли Балаклаву *Ямболи*. Это, конечно, передѣланный Страбоновъ — портъ Символовъ. У Броневскаго сказано далѣе, что генуэзцы отняли Балаклаву у греческихъ князей, которымъ эта часть Тавриды принадлежала: «*gens eorum ducibus, qui tunc eam partem Tauricæ tenebant.*» Слѣдственно, греки съ-издавна имѣли здѣсь свое поселеніе, жители котораго, находясь, какъ мы сказали, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Херсонисомъ и обладая прекрасною гаванью, несомнѣнно принимали дѣятельное участіе въ торговлѣ херсонисцевъ, торговлѣ, сдѣлавшейся, какъ извѣстно, весьма обширною на Черномъ морѣ.

Греція получала преимущественно изъ своихъ черноморскихъ колоній: хлѣбъ, кожи, шерсть, соль, соленую и вяленую рыбу и соленое мясо. Последнее было очень цѣнно въ древности, во все времена. Даже позднѣе, у римлянъ, когда роскошь и излишество стола сдѣлались у нихъ господствующею болѣзнію, боченокъ соленого мяса изъ Понта-Эвксинскаго стоилъ въ Римѣ 400 серебряныхъ денаріевъ. (**). Но съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ столицею міра, и когда Греція должна была подчиниться римскому владычеству, поселенія эллинскія въ Тавридѣ утратили свою торговую важность для древняго міра. Римлянамъ потребны были, для удовлетворенія разившейся въ нихъ страсти къ роскоши, драгоценности далекаго востока, складомъ которыхъ, въ дни богатства Рима, сдѣлалась Александрія; а Таврида изобиловала только одними произведеніями земледѣльческими, которыя легче было доставлять въ Средиземное море изъ Сициліи, Египта и сѣверныхъ береговъ Африки, нежели изъ болѣе отдаленныхъ странъ приполярныхъ.

(*) Императоръ Юстиніанъ построилъ въ Константинополѣ, у городскихъ стѣнъ, два храма во имя Богоматери (Procop. de Aedificiis, lib. I. cap. 3) — одинъ противъ Влахерна, а другой противъ Золотыхъ воротъ. Последний и есть храмъ св. Дѣвы въ Балыкли; но этотъ древній храмъ сгорѣлъ, и въ царствованіе Махмуда онъ совершенно вновь отстроенъ; вся утварь церковная, изъ массивнаго серебра, позолоченная, принесена въ даръ этому храму московскимъ купечествомъ. Церковь Богоматери въ Балыкли извѣстна всемъ русскимъ богомольцамъ.

(**) Римскій серебряный динарій равнялся около 22½ к. сер.

Во времена римлянъ, Феодосія была уже въ развалинахъ; а Босфоръ, отъ непрерывныхъ войнъ съ сосѣдними варварами, мало-по-малу клонился къ упадку. Но херсонисцы, воспользовавшись своимъ положеніемъ въ нагорной странѣ, представлявшей имъ болѣе средствъ къ защитѣ отъ нападений варваровъ, и не имѣя при томъ соперниковъ въ торговлѣ, все ея отрасли на Черномъ морѣ прибрали въ свои руки. Херсонъ возвысился особенно со временъ императора Валенція. Въ эту эпоху онъ сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ товаровъ, идущихъ съ сѣвера, и въ свою очередь снабжалъ необходимыми предметами все обитавшіе въ этихъ странахъ народы, которые часто посѣщали Херсонъ.

Хотя данники Рима, херсониты сумѣли однако сохранить свою автономію и даже распространили въ это время свою власть почти на всю гористую часть Тавриды, въ длину всего южнаго берега, до границъ босфорскихъ. На этомъ пространствѣ находилось нѣсколько большихъ городовъ и около сорока поселеній и укрѣпленныхъ замковъ, извѣстныхъ у византійскихъ писателей подъ именемъ *Климата* — *ἡ κλιμάτα* или *καστρα τῶν κλιμάτων*.

Изъ упоминаемыхъ на этомъ берегу городовъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія о *Солдаи* или *Судай* (нынѣшній Судакъ), торговое значеніе котораго подтверждается, какъ восточными, такъ и западными писателями среднихъ вѣковъ. Въ древнихъ историческихъ памятникахъ русской письменности Судакъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Суроуса*. Въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Константинополь, въ 1389-мъ году, сказано: «*и проидохомъ устье Азовскаго моря (Керченскій проливъ), и възидохомъ на великое море (Черное), (*)* въ шестыиизъ день въ субботу минухомъ каоинскій лимень и Суроусъ.» Во времена византійскихъ императоровъ, Судакъ имѣлъ своихъ архіепископовъ, а въ послѣдствіи — митрополитовъ, поставлявшихся обыкновенно константинопольскими патриархами. Въ VIII. вѣкѣ, однимъ изъ архіепископовъ судайскихъ былъ св.

(*) Генуэзцы Черное море тоже называли *великимъ* — *Mare maggiore*. Консулы Кафы именовали себя: *Consul Caffa et totius maris Majoris*.

Стефанъ суружскій, чтимый нашею церковію. Въ 787-мъ году онъ присутствовалъ на никейскомъ соборѣ и подписался: *Στέφανος ἀνάξιος, Επισκοπος Ζοοφάνης.*

Къ числу подобныхъ прибрежныхъ городовъ, упоминаемыхъ византийскими историками, безъ сомнѣнія, принадлежала и Балаклава; хотя мы не находимъ у нихъ никакихъ подробностей о ея значеніи въ ряду другихъ поселеній греческихъ.

Болѣе извѣстною становится Балаклава со времени поселенія въ Крыму генуэзцевъ. Когда Кафа (нынѣшняя Феодосія) сдѣлалась богатѣйшею итальянскою колоніею на Черномъ морѣ и центромъ торговой дѣятельности генуэзцевъ на Востокъ, — имъ стало тѣсно за стѣнами построенаго ими на берегахъ Тавриды города. Они начали расширять свои владѣнія въ Крыму, — и скоро вся южная, прибрежная часть полуострова, вмѣстѣ съ Судакомъ и Балаклавой, принадлежавшая, какъ мы видѣли, грекамъ перешла во владѣніе кафанъ. Балаклава отнята была генуэзцами у ея греческихъ владѣльцевъ въ 1365-мъ году. Броневскій говоритъ объ этомъ такъ: «Балаклава, стоящая на высокой и каменистой горѣ, была воздвигнута и населена генуэзцами; она была отнята ими у гордыхъ, несогласныхъ между собою и малодушныхъ греческихъ князей, которымъ принадлежала эта часть Тавриды, — къ ихъ позору, — безо всякаго съ ихъ стороны сопротивленія.» (*)

Завладѣвъ Балаклавой, генуэзцы греческое Ямболъ или Символонъ передѣлали въ *Чембало* (*Cimbalo, Senbalo*, иногда *Senbago* и др.) и построили здѣсь славную крѣпость, развалины которой мы видимъ до-сихъ-поръ. Крѣпость эта, конечно, была воздвигнута на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли и древне-греческія или, можетъ быть, еще тавро-скіоскія укрѣпленія.

Въ 1443-мъ году населявшіе Балаклаву греки вздумали возстать противъ генуэзцевъ, отняли у нихъ крѣпость, уничтожили ихъ правительство и передались какому-то благородному греку, Алек-

(*) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, сост. Ник. Мурзакевичемъ. Одесса 1837. стр. 60. «Ea in altissimo magno et saxoso monte ab Italis Genuensibus munita et habitata fuit; superbis enim et pessime tunc inter se convenientibus ac ignavis graecorum, qui tunc eam partem Tauricae tenebant, ducibus ignominiose sine aliquo eorum praesidio ab eis erepta est.»

сію, владѣльцу близъ-лежащаго города *Феодори* (Инкермана, по мнѣнію некоторыхъ) и приморской страны — *παρδλασσιας*. (*) Но едва только узнали объ этомъ въ Генуѣ, какъ въ мартѣ слѣдующаго года снаряжена была, подъ начальствомъ Карло Ломелино, противъ Балаклавы экспедиція, состоявшая изъ 10-ти судовъ большаго размѣра и изъ такого же числа галеръ, на которыхъ помѣстилось болѣе 6.000 воиновъ. При спокойномъ морѣ и благопріятномъ вѣтрѣ, Ломелино съ своей эскадрой, появился у стѣнъ Балаклавы въ послѣдніе дни марта, и взялъ крѣпость приступомъ. (**)

Въ рукахъ генуэзцевъ балаклавскій портъ сдѣлался важнымъ торговымъ мѣстомъ, что свидѣтельствуется посланіе попечителей Банка св. Георгія къ папѣ Каликсту Ш. Провѣдавъ о намѣреніи татаръ напасть на Кафу, Солдаю и другія поселенія генуэзцевъ, они просили у папы помощи своимъ черноморскимъ колоніямъ, и писали ему между прочимъ: «да не почтетъ кто-либо край этотъ маловажнымъ... Тамъ находится Кафа, именитая не только по одному пространству стѣнъ, но и по многолюдству, почти равному съ Константинополемъ. Тамъ находятся Солдаія, Чембало — тоже не незначительные города.» (Ист. ген. пос. стр. 68.) Чембало, по описанію современниковъ, — превосходный и чрезвычайно красивый портъ. Довольно обширный, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ высокими горами и повсюду достаточно глубокий — онъ могъ вмѣщать суда самыхъ большихъ размѣровъ. Торговля этаго города не была слишкомъ обширна въ сравненіи съ торговлею самой Кафы. Она заключалась въ отпускъ шерсти, кожъ, войлоковъ, соеной и копченой рыбы *кумри* — *coitgi*. (?) Шерсть изъ Чембало была очень цѣнна; она считалась лучшею крымскою шерстью; но собирали ее весьма немного. Ловля кумри, производившаяся обкновенно лѣтомъ, имѣла большое значеніе для торговли. Большая часть этой рыбы отправлялась въ Константинополь и въ другіе порты Анатоли. Занимавшіеся этой отраслью торговли имѣли большія выгоды. (Élie de la Primaudaie, Études sur le Comm. au Moyen age. p. 223.) Чембало, подобно Солдаіи и другимъ генуэзскимъ колоніямъ, имѣла отдѣль-

(*) Крымск. Сборн. прим. 314.

(**) Тамъ-же, прим. 324.

наго консула, кастелана и капитана порта, и скоро генуэзцы учредили тамъ отдѣльную католическую епископію.

Изъ епископовъ Чембало извѣстны только двое: *Іоаннъ*, умершій въ 1462-мъ году и *Мишаилъ де Рентель*, изъ сословія проповѣдниковъ, поставленный папою Піемъ II. послѣ смерти Іоанна и правившій церковію до своей кончины. (Крым. Сбор. стр. 227). А вотъ имена нѣкоторыхъ консуловъ, управлявшихъ Чембало: *Манфреде ди Джизульфо*, въ 1429; *Пьетро Ре*, въ 1430; *Джіов. Паоло Зоали*, въ 1457; *Бартоломео Зоали*, въ 1454; *Джіакомо Казанова*, въ 1456 и *Баттиста Олива* въ 1466 годахъ. (E. de la Grm. p. 390).

Въ 1475-мъ году Балаклава подверглась участи всѣхъ генуэзскихъ владѣній въ Крыму: она перешла въ власть турокъ. Турки не разрушали балаклавской

крѣпости. Завладѣвъ Кафой, они оставили за собою, кромѣ этаго города, и всѣ укрѣпленныя мѣста на полуостровѣ; между прочими—Балаклаву, Инкерманъ и Мангупъ. — Отъ турокъ балаклавская крѣпость была передана неповрежденною татарамъ, владѣвшимъ ею нѣсколько вѣковъ.

Одинъ изъ итальянскихъ путешественниковъ XVII. вѣка, *Николо Барти* изъ Лукки упоминаетъ о Балаклавѣ подъ именемъ *Балуклава*, и говоритъ, что этотъ городъ былъ населенъ турками, греками и армянами. Несравненная красота безопаснаго балаклавскаго порта заставила его остановиться здѣсь на нѣсколько дней. Онъ засталъ превосходныя генуэзскія укрѣпленія еще вполне сохранившимися. Но неизвѣстно, когда упразднена и опустѣла балаклавская крѣпость.

Гр. КАРАУЛОВЪ.

(Окончаніе слѣд.)

DES CHEMINS DE FER RUSSES EN GÉNÉRAL,

ET

DE LA LIGNE DU SUD EN PARTICULIER.

Dans un précédent numéro, nous reportant par la pensée jusqu'à l'origine de cette admirable découverte devant laquelle le temps semble avoir replié ses ailes et l'espace ses limites, nous mettions le lecteur à même de comprendre par quelle suite de développements et de perfectionnements successifs était enfin sorti du génie de l'homme, comme autrefois du cerveau de Jupiter, un monstre de création nouvelle nommé Locomotive, qui semble destiné à révolutionner la surface du globe.

Nous revenons aujourd'hui sur le même sujet, mais, cette fois, avec des points de vue tout différents. A nos yeux, la locomotive, ce n'est plus comme précédemment, le puissant Atlas, ni Briarée aux cent bras, ni enfin ce Cyclope à l'œil de feu et au vol plus rapide que l'éclair. Après l'examen que nous avons fait du colosse, après l'espèce d'anatomie à laquelle nous l'avons soumis, il convient de pénétrer la pensée éminemment civilisatrice, éminemment humanitaire et toute philanthropique qu'il porte dans ses flancs, et dont la Russie est appelée à recueillir, elle aussi, les inappréciables avantages.

Considérée sous ce dernier aspect, la vapeur, comme l'a si bien définie naguère Mr E. Pégot — Ogier, dans un ouvrage non moins recommandable

sous le rapport de la forme que pour la profondeur et la justesse des pensées qu'il renferme, « la vapeur! c'est le missionnaire ardent, infatigable, irrésistible; la vapeur! c'est la colonne de feu qui guidait l'ancien peuple de Dieu à travers le désert, vers la terre promise. Prenez, (c'est toujours le même auteur qui parle) prenez, ajoute-t-il, un coin de terre le plus obscur, menez-y la locomotive, faites-là une station: aussitôt la terre se couvre de tentes, l'homme la fouille, la richesse naît, la barbarie recule, la civilisation s'implante et de nouveaux horizons se découvrent.»

Ces merveilleux résultats, dont rendent chaque jour d'éclatants témoignages et l'Angleterre et les Etats-Unis, et la France et l'Allemagne, il n'a été donné, jusqu'ici, à la Russie, de les constater que très-faiblement encore. En effet, cette vaste contrée n'a presque pas de chemins de fer, et il est vrai de dire cependant, que jamais aucun pays n'en eût un plus grand besoin.

Pour se convaincre de cette vérité, il suffit de réfléchir, un instant, à l'insuffisance des moyens de communication et de transport qui relient les unes aux autres les provinces tout à la fois si nombreuses, si vastes et si fertiles de cet immense empire.

La plupart des états de l'Europe, ainsi que nous venons de le faire remarquer, jouissent, depuis longtemps déjà, des précieux avantages que procurent les chemins de fer. A peine cette merveilleuse découverte était-elle annoncée par l'organe des journaux au monde étonné, que l'Angleterre, qui en est le berceau, la France et l'Amérique, la seconde patrie pour les perfectionnements, se couvrirent de toutes parts et comme par enchantement, d'immenses réseaux de fer. A leur exemple, l'Autriche et la Prusse ne tardèrent pas à importer sur le sol germanique ce merveilleux système de locomotion, dont la vapeur est devenue l'incomparable agent.

Cependant la Russie, ce vaste empire dont le territoire embrasse à lui seul un espace de terrain cinq ou six fois égal à celui qu'occupent ensemble tous les autres pays de l'Europe, la Russie, demeurait indifférente et impassible, en présence de l'admirable solution dont le temps et l'espace venaient d'être l'objet. Elle se contentait de relier St.-Petersbourg à Moscou par quelques centaines de kilomètres de voie ferrée, tandis que le reste de l'empire continuait à n'être desservi que par des fleuves dont les fréquents débordements rendent souvent la navigation impossible, par de petites rivières dont la sécheresse en été ou la gelée en hiver interrompt la circulation, enfin par des routes qui sont pendant sept mois au moins de l'année, elles-mêmes impraticables.

Les conséquences d'un tel état de choses pour la Russie sont faciles à deviner; et ce que nous venons de dire suffit pour rendre raison d'une foule de faits, qu'il importe de ne pas laisser passer inaperçus.

On a dit de la Russie, qu'elle est le grenier d'abondance de l'Europe. En effet, aucune des autres contrées du globe ne saurait lui être comparée sous le rapport de la fécondité du sol, ainsi que pour le nombre et la nature et la variété de ses produits. Sans parler des avantages qui résultent pour elle de sa position géographique, position qui en fait, pour ainsi dire, le vaste entrepôt naturel des richesses des différents pays de l'orient ainsi que de l'occident, quelles immenses ressources ne renferme-t-elle pas dans son sein! Des calculs exacts et authentiques ont démontré que le sol productif de la Russie est presque deux fois aussi grand que toute la France, et égal au royaume de Prusse et à l'Empire d'Autriche pris ensemble.

Dans une seule province, celle des Cosaques du Don, les pâturages égalent en superficie toute la Confédération Germanique et nourrissent plus de bétail qu'il n'y en a dans la France et l'Autriche réunies; le nombre des brebis et des moutons dans la Russie méridionale est deux fois plus grand que dans toute la France; il vient presque deux fois autant de blé en Russie que dans les deux empires de France et d'Autriche; on récolte en Russie quatre fois plus de lin et de chanvre qu'en France; les mines de Russie donnent un rapport annuel de 160 millions de francs et pourraient en donner un bien plus considérable encore; enfin, le bassin de la mer Blanche a cent fois plus de forêts que toute la France; dans les seules provinces industrielles (Moscou et les gouvernements circonvoisins) les bois de chêne seulement occupent une superficie deux fois plus grande que toutes les forêts de la France; les mines d'anthracite et de charbon de terre découvertes dans la province des Cosaques du Don et dans les gouvernements d'Ekathérinoslav, de Kherson, de Novgorod et dans l'Oural, sans compter les autres mines que l'on découvre tous les jours, sont presque égales en superficie au gouvernement de Moscou, qui, a lui seul, est aussi grand que toute la Belgique». Ces détails que nous empruntons à la plume du célèbre écrivain, dont nous avons déjà cité le nom, sont de nature à nous donner une juste idée de la fécondité et de l'immense richesse de la Russie. Hâtons-nous d'ajouter que cette contrée est loin de retirer de cette abondance presque fabuleuse tous les résultats qu'on aurait lieu d'en attendre. C'est un fait prouvé par l'expérience, que ce fertile pays, qui pourrait avec ses récoltes trop abondantes, compléter à lui seul, l'approvisionnement de toute l'Europe, ne figure cependant que pour un quart, dans le total des trente millions d'hectolitres de céréales que cette dernière importe annuellement. Il y a plus; la Russie ne suffit même pas à nourrir tous ses habitants. Dans certaines provinces, l'on a bien de la peine à se procurer un peu de farine. Enfin, la Russie si riche en mines d'anthracite et de charbon, se voit forcément tributaire de l'étranger, pour ces combustibles, qui lui arrivent par la Baltique de l'Angleterre, grevés de frais énormes.

Or, comment expliquer l'espèce d'anomalie et de contradiction que ces dernières remarques impliquent aux détails que nous donnions précé-

demment sur la richesse et la fertilité du vaste territoire de la Russie? Il n'en faut pas douter, la grande difficulté des échanges et des transports, telle est la cause, en même temps que la raison, des entraves qui arrêtent, en Russie, le développement du commerce, tant à l'intérieur qu'à l'extérieur, et qui fait aussi que, dans ce pays, la disette règne bien souvent au sein même de l'abondance.

Il nous serait facile de multiplier les preuves qui militent en faveur de cette assertion: Mais nous préférons nous en tenir à ces simples considérations dont nous nous croyons en droit de conclure que, sous le rapport de la statistique, l'établissement d'un vaste réseau de fer constitue, pour ce pays, un fait capital qui mérite de fixer l'attention de tous les vrais amis du progrès, de tous les vrais défenseurs des intérêts communs, de tous les vrais patriotes, en un mot.

Il n'est peut-être pas maintenant hors de propos, de faire remarquer que la politique est bien loin d'être tout-à-fait étrangère à la grave question qui nous occupe. A cet effet, nous nous contenterons de rappeler ce qui advint à la Russie lors de sa dernière lutte avec les puissances occidentales, et nous demanderons si l'une des causes qui ont rendu inutiles la bravoure de tant de vaillants soldats, l'expérience et le dévouement de tant d'illustres et magnanimes généraux, n'est pas positivement celle que nous signalions, il n'y a qu'un instant. N'est-il pas juste de penser et de dire que, dans cette circonstance, la valeur de l'armée alliée aurait été bien autrement contrebalancée, s'il avait été donné à la Russie de pouvoir transporter par la vapeur, les troupes et le matériel nécessaires à la défense de Sébastopol.

Quant aux avantages qui doivent résulter, sous le rapport de la civilisation, de l'établissement des chemins de fer dans ce pays, ils ne sont ni moins importants, ni moins incontestables. Nous avons fait remarquer, en commençant, l'expression de *missionnaire ardent et infatigable* appliquée à la vapeur; nous croyons devoir revenir ici sur cette idée pour en faire considérer toute la justesse, et ajoutons que l'un des plus beaux apanages, comme aussi l'un des plus beaux résultats de l'invention des chemins de fer, c'est le puissant concours qu'elle prête à la propagation du progrès. A cet égard, la vapeur peut être regardée, à bon droit, comme la digne sœur de la presse dont elle est l'émule

et l'égale au point de vue de la civilisation. En effet, grâce au rapprochement qu'elle établit entre les distances, il en est aujourd'hui des peuples, comme des corps de température différente mis en présence: ils tendent sans cesse vers le degré qui constitue le parfait équilibre. C'est là ce qui rend raison de la marche progressive de certaines nations dans ces derniers temps, comme aussi, ce qui explique l'immense lacune que l'on remarque dans l'ordre intellectuel et moral, chez d'autres peuples restés jusqu'à ce jour dans un funeste isolement.

Cette dernière remarque toutefois, et nous nous empressons de l'ajouter, ne regarde que très-indirectement la Russie. Ce grand empire se trouve dans une situation toute exceptionnelle qu'il importe ici de ne pas perdre de vue. En effet, tandis que la plupart des autres états de l'Europe comptent, depuis leur berceau jusqu'à nos jours, des siècles même assez nombreux de travail et d'enfantement, la nationalité russe ne date au contraire, pour ainsi dire, que d'hier. Telle est la rapidité avec laquelle la Russie est passée du sein de la barbarie au rang des nations civilisées, que son aurore et son midi sont, en quelque sorte, confondus ensemble. Elle n'a pas connu cet état de transition, qui est aux empires ce qu'est la jeunesse à l'homme, un temps de formation utile et nécessaire, quoique lente, mais s'est trouvée transportée tout d'un coup, par le génie de Pierre-le-Grand, de l'enfance à l'âge viril. Ce fait, disons-le de suite, bien loin d'ôter rien à sa gloire, contribue, au contraire, à en relever davantage la splendeur et l'éclat; mais il rend en même temps raison de l'imperfection plus apparente que réelle que l'on croit remarquer chez ce peuple, dont les mœurs tendent sans cesse, et surtout de nos jours, grâce aux vues magnanimes de son Auguste Souverain, vers une amélioration qu'il serait injuste à nous de ne pas constater.

Le lecteur trouvera peut-être que nous nous sommes étendu bien longuement sur des considérations qu'il eût été facile de présenter d'une manière plus laconique et par là même beaucoup plus intéressante. Tout en reconnaissant nous-même, que nous ne nous croyons pas entièrement à l'abri de ce reproche, nous n'en restons cependant pas moins convaincus de l'utilité, de la nécessité même qu'il y avait pour nous à insister, ainsi que nous l'avons fait, sur les raisons qui sont de nature à bien faire ressortir le rôle im-

portant que les chemins de fer sont appelés à jouer en Russie.

C'est qu'en effet, et nous croyons l'avoir suffisamment prouvé, le manque de moyens de communication et de transport, telle a été jusqu'à ce jour la grande plaie de la Russie. L'Empereur NICOLAS, aux yeux duquel cette remarque ne pouvait passer inaperçue, essaya le premier d'apporter remède au mal, et les deux lignes de fer de St.-Pétersbourg à Moscou, de Varsovie à Cracovie, entreprises et terminées sous son règne, constituèrent déjà pour le pays une amélioration importante, mais qui toutefois, disons-le de suite, était loin de répondre à tous les besoins de son vaste empire. C'était beaucoup, mais ce n'était pas assez que d'avoir rattaché par un chemin de fer St.-Pétersbourg à Moscou, et relié ainsi le centre administratif au centre manufacturier. Il est pour la Russie un troisième centre non moins important que les deux précédents; je veux parler du centre productif, de celui qui, situé entre le Dniéper et le Volga, est, pour ainsi dire, le grenier d'approvisionnement de la Russie. Ce centre là se trouvait négligé. Il restait isolé des deux premiers, ou ce qui revient à peu près au même, se voyait condamné à n'avoir avec eux que des rapports difficiles et surtout très-coûteux, par suite de l'insuffisance des moyens de communication.

Rattacher cette dernière partie de l'empire aux deux autres, faciliter par des voies sûres et promptes, pour Moscou en particulier, l'arrivée des nombreux et divers produits bruts venant de toutes les extrémités de l'empire et de l'étranger, telle est la grande œuvre que s'est imposée l'Auguste Souverain qui préside actuellement aux destinées de la grande nation russe.

Rendons ici cette justice à ce grand Monarque, qu'en cela comme aussi en mille autres circonstances, il a su s'élever et se maintenir à la hauteur de son siècle. Sous ses auspices, encouragées et secondées par lui, des études sérieuses ont été entreprises dans le but de doter le pays d'un immense réseau de fer en rapport avec la grandeur et les besoins de la nation.

Nous n'entreprendrons pas d'entrer ici dans l'examen des nombreux projets qui furent successivement présentés et mis en discussion. Un pareil travail nous entraînerait beaucoup trop loin. Nous nous bornerons seulement à donner

un exposé simple et rapide des différentes lignes, tant celles déjà établies que celles à établir qui se trouvent comprises dans le réseau dont le plan a été définitivement adopté. Quelques détails sur l'embranchement de la Crimée, le seul que nous nous sommes proposé de considérer spécialement, viendront s'ajouter à la suite du tableau que nous donnons ci-après, comme un corollaire des considérations dans lesquelles nous sommes entré précédemment.

TABLEAU SYNOPTIQUE

des différents lignes et des différents embranchements composant le vaste réseau des chemins de fer russes.

St.-Pétersbourg	à	Tzarskoé-Sélo (depuis longtemps en circulation)
		Pétershoff id.
		Moscou id.
		Varsovie (en grande construction jusqu'à Pskow)
De Kovno	à	la frontière de Prusse (en voie d'exécution)
De Liebau	à	Koursk (non commencé)
De Moscou	à	Théodosie (travaux préparatoires commencés)
		Nijni-Nowgorod id.
		Saratow (seulement approuvé)
De Riga	à	Dunabourg (déjà fort avancé)
De Kiew	à	Odessa venant rencontrer à Koursk la grande ligne de l'Ouest allant à Liebau (approuvé)

Comme il est facile de le voir, ce vaste réseau de fer est appelé à desservir dans le parcours de ses grandes artères, de ses lignes secondaires et de ses tronçons, tous les points les plus importants de l'empire. Par lui, les gouvernements industriels et agricoles se trouvent rattachés à la Baltique et à la mer Noire; ces deux dernières sont en même temps reliées l'une à l'autre; le midi et le nord de l'empire sont unis à l'Europe par la ligne de St.-Pétersbourg à Varsovie; trois capitales communiquent ensemble et se trouvent, chacune séparément, mises en rapport immédiat avec le riche territoire arrosé par le Volga; enfin, si l'on en croit un récent article du journal *Le Nord*, par l'établissement plus que probable d'une ligne gigantesque allant rencontrer les voies ferrées anglaises dans les Indes, la Russie doit voir, un jour, prendre à son commerce, une extension et des proportions dont il serait difficile de prévoir au juste, dès à présent, les immenses résultats.

A. Pécus.

(à continuer)

ОБОЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ

(ФЕВРАЛЬ 1860 ГОДА.)

Съ наступленіемъ 1860 года произошел новый поворотъ во французской политикѣ. Наполеону III-му суждено постоянно удивлять общественное мнѣніе Европы своими политическими дѣйствіями. Англійская газета Times по справедливости называетъ его сфинксомъ новаго времени. Читатели изъ прошлаго обзрѣнія нашего видѣли, какъ крѣпко стоялъ императоръ французскій за виллафранкскія условія. Онъ почти объявилъ, что будетъ поддерживать эти условія и на конгрессѣ, который сначала былъ назначенъ на 5-е, а потомъ отлагается на 20-е, на 31-е января и наконецъ отложенъ на неопредѣленное время. Англія, которая, во взглядъ на дѣло Италіи, держалась совершенно иныхъ основаній, недовѣрчиво глядѣла на политику Наполеона III и неохотно соглашалась на участіе въ конгрессѣ. Наступилъ 1860-й годъ — и положеніе дѣлъ измѣнилось: виллафранкскій миръ уничтоженъ самимъ Людовикомъ Наполеономъ, объ конгрессѣ нѣтъ и рѣчи — и Франція снова въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей.

Чтобы подготовить мнѣніе Европы къ новому измѣненію французской политики, въ Парижѣ была выпущена, въ концѣ минувшаго года, брошюра: «Папа и конгрессъ». Сочиненіе это составляетъ важное событіе въ политическомъ мѣрѣ; оно быстро распространилось по всей Европѣ и въ первые дни своего появленія разошлось въ 40 т. экз. Авторъ брошюры, принимая за основаніе, что власть папы, будучи по существу своему властію духовною, отеческою, не нуждается ни въ арміи, ни въ законодательствѣ, ни даже въ судопроизводствѣ; ей не нужны обширныя владѣнія, только обременяющія ее излишними заботами. Онъ находитъ, что одного Рима, съ лежащимъ около нея запустѣлымъ и болотистымъ пространствомъ римской Кампаньи, достаточно для св. отца; а что Романья, не желающая папскаго управленія, должна отойти отъ него; что добровольно народъ не согласится остаться подъ свѣтскимъ владычествомъ римскаго первосвященника, что возстановить силою папскую власть невозможно, такъ какъ въ это дѣло Австрія не должна, а Франція не можетъ вмѣшиваться; ибо «какъ страна либеральная, она не захочетъ принуждать народъ признавать отвергнутыя имъ правительства».

Какъ только появилась эта брошюра, всѣ поняли, что она составлена по внушенію самаго императора и что начала, въ ней изложенныя, стануть основаніемъ для французской политики на будущемъ конгрессѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій старался опровергнуть это. Но онъ самъ долженъ былъ оставить министерство, и на мѣсто его назначенъ бывшій французскій посланникъ въ Константинополь, Тувенель, противникъ австрійской политики. — Послѣ появленія брошюры «Папа и конгрессъ», Пій IX-й отказался отъ участія въ конгрессѣ и произнесъ о ней рѣзкое сужденіе въ отвѣтъ своему на поздравительную рѣчь (въ день новаго года) генерала Гойона, начальника французскихъ войскъ, занимающихъ Римъ. «Повергаясь къ стопамъ Бога — сказалъ папа — который былъ, есть и будетъ во вѣки вѣковъ, съ смиреннымъ сердцемъ молимъ Его прислать милость свою и свѣтъ на славнаго главу этой арміи и этой націи, дабы онъ, озаренный этимъ свѣтомъ, могъ

идти вѣрными стопами по своему тяжелому пути и признать ложность нѣкоторыхъ началъ, выраженныхъ на дняхъ въ небольшомъ сочиненіи, которое можно назвать страшнымъ памятникомъ лицемерія и неблагогороднымъ сплетеніемъ противорѣчій.» Вообще парижская брошюра вызвала страшное негодованіе въ Римѣ и во всей католической партіи. Посягательство на часть церковныхъ владѣній, уже на самомъ дѣлѣ отдѣленныхъ отъ папы, эта партія считаетъ за нарушеніе папской власти. — Послѣ папы отъ участія въ конгрессѣ отказались Неаполь и Австрія. — Обнародованное вскорѣ письмо Наполеона III-го къ папѣ отъ 31-го декабря официально подтвердило начала, высказанныя въ брошюрѣ «Папа и конгрессъ». «Событія имѣютъ свою логику» — пишетъ императоръ французскій папѣ, желая убѣдить его отказаться отъ Романьи. И эта неумолимая «логика событій» говоритъ міру ясно, что начало свѣтской власти римскаго первосвященника отжило свой вѣкъ. Ибо чѣмъ поддерживается эта власть въ послѣднее время, если не одними иностранными штыками? Если французскія войска выйдутъ сегодня изъ Рима, то за безопасность «вѣчнаго города», за безопасность самаго папы едва-ли можно отвѣчать. И потому, что справедливо относительно Романьи, то должно быть справедливо и въ приложеніи къ Риму. Зачѣмъ лишать цѣлое населеніе римской Кампаньи жизни гражданской и политической? Въ папѣ соединены двѣ власти — свѣтская и духовная: въ настоящее время трудно защитить свѣтскую власть главы католической церкви. Англія еще въ прошломъ году объявила, что за неприкосновенность этой власти папы она стоять не будетъ. Она старалась, въ вопросѣ объ Италіи, получить отъ Франціи и отъ другихъ державъ согласіе на то, чтобы итальянцамъ было предоставлено право устроить самимъ свою политическую судьбу. Изъ тронной рѣчи своей, произнесенной 24 (12) января при открытіи парламента англійская королева сказала:

«Я всегда буду стараться достигъ освобожденія народовъ Италіи отъ иноземнаго вооруженнаго влѣшательства въ ихъ дѣла, и надѣюсь, что дѣла итальянскаго полуострова могутъ быть устроены мирно и удовлетворительнымъ образомъ.»

«Не будетъ употреблено никакой иноземной силы, чтобы заставить народы Италіи принять какое бы ни было правительство или конституцію.»

Эти слова королевы Викторіи доказываютъ, что между нею и Наполеономъ III-мъ существуетъ согласіе на счетъ итальянскихъ дѣлъ и подають надежды центральной Италіи, что желанія ея присоединиться къ Пьемонту будутъ уважены; хотя неопредѣленность въ какой теперь находится средняя Италія дѣлаетъ, положеніе ея день ото дня все болѣе и болѣе тяжелымъ. Поэтому, Англія поторопилась сдѣлать главнымъ державамъ слѣдующія предложенія: 1). Франція и Англія должны принять условіе — не вмѣшиваться въ дѣла Италіи, безъ согласія пяти великихъ державъ. 2). Франція, при первой возможности, должна вывести войска свои изъ Рима и Ломбардіи. 3). Въ управленіе Австріи венеціанскою областью не будутъ вмѣшиваться европейскія державы, если: 4). будетъ признана власть сардинскаго короля надъ центральною

Италию; но не прежде однако, какъ новая общая подача голосовъ подтвердить это желаніе населенія. На эти предложенія Лудовикъ Наполеонъ согласился, съ нѣкоторыми ограниченіями; но полагають, онъ намѣренъ дать полное согласіе на разширеніе владѣній Пьемонта только подъ условіемъ присоединенія къ Франціи Савойи и Ниццы (одной изъ двухъ, или обѣихъ). Австрія, по послѣднимъ извѣстіямъ, отвергла предложенія Англіи, и какъ говорятъ, заключивъ формальный союзъ съ папою и Неаполемъ, готовится дать вооруженный отпоръ посредничеству Англіи и Франціи въ Италіи. Она укрѣпляетъ Мантую и Пескьеру, собрала до 100 т. войска въ Венеціи, ея

полиція и жандармы угнетаютъ венеціанское населеніе болѣе чѣмъ когда либо, въ армию папы она посылаетъ своихъ солдатъ, переодѣтыхъ въ папскіе мундиры, для Неаполя и для папы производить вербовки... Трудно поэтому ожидать мирнаго разрѣшенія итальянскаго вопроса. — Ответы прочихъ державъ на предложенія Англіи не извѣстны.

А что дѣлается между тѣмъ въ самой Италіи? Романья и герцогства тревожно ждуть — и вооружаются. Въ Туринѣ свершилось важное событіе: Кавуръ 21 января вступилъ въ должность перваго министра. Города центральной Италіи приняли эту вѣсть съ восторгомъ. Папа не признаетъ «совершившагося

ГАРИБАЛЬДИ.

событія», не соглашается на отдѣленіе легатствъ; католическое духовенство его поддерживаетъ повсюду упорно; парижская газета *Univers*, главный органъ католичества во Франціи, запрещена 30-го января. Жители Венеціи постоянно эмигрируютъ. Вся Италія въ напряженномъ состояніи.

Мы должны занести въ наше обозрѣніе еще одно важное событіе изъ внутренней политики Франціи. Наполеонъ III-й въ письмѣ къ государственному министру отъ 5-го января начерталъ планъ внутреннихъ преобразованій для Франціи. Императоръ хочетъ разчищать дѣла, прокладывать пути, производить работы осушки, орошенія и удобренія, подавать руку промышленности, уменьшать налоги, понизить тарифы съ цѣлю достигнуть развитія земледѣлія, благосостоянія для страны и развитія торговли. Въ сихъ видахъ, онъ заключилъ торговый трактатъ съ Англіей, основанный на началахъ свободной торговли, и этимъ закрѣпилъ еще болѣе союзъ свой съ Великобританіей. Торговый

трактатъ Людовика Наполеона и въ Англіи и во Франціи заслужилъ восторженныя похвалы — со стороны защитниковъ свободнаго торговаго и порицанія — со стороны послѣдователей запретительной системы, преимущественно фабрикантовъ, которые вездѣ, какъ и у насъ, стоятъ за монополіи и высокій тарифъ.

Въ слѣдующемъ обозрѣніи мы поговоримъ о внутреннихъ дѣлахъ Австріи и Германіи, гдѣ въ истекшемъ году обнаружались хотя не новыя, но имѣющія глубокой смыслъ политическія явленія.

ГАРИБАЛЬДИ.

Имя Гарибальди, портретъ котораго мы представимъ теперь, самое народное имя въ Италіи. Это одна изъ благороднѣйшихъ и энергическихъ личностей нашего времени. Любовь къ Италіи и ненависть къ ея притѣснителямъ сдѣлали его великимъ полководцемъ. Подъ знамя Гарибальди стекались толпами итальянцы, готовые умереть за родину, съ жаждою

места ея утеснителямъ; но изъ 30-ти т. волонтеровъ онъ выбралъ только 6,000, и съ ними производилъ чудеса во время минувшей войны въ Италіи. Онъ внушалъ своей небольшой арміи безпредѣльную довѣренность и любовь, а на враговъ наводилъ ужасъ.

Джузепе Гарибальди родился въ Ниццѣ 4-го іюля 1807 года отъ уважаемыхъ родителей. Въ молодости онъ вступилъ въ сардинскій флотъ. Въ 1834 г. оставилъ службу и участвовалъ въ возстаніи противъ Австріи. Послѣ этого принужденъ былъ бѣжать во Францію, потомъ въ Тунисъ, откуда переѣхалъ въ Америку. — Здѣсь, среди воевавшихъ непрерывно между собою южныхъ республикъ новаго свѣта, блестящія воинскія способности Гарибальди доставили ему большое вліяніе.

Въ 1848 году опасности отечества вызвали Гарибальди изъ далекой Америки. Онъ явился въ Италію вмѣстѣ съ сформированнымъ имъ въ Монтевидео итальянскимъ легиономъ и принялъ живое участіе въ борьбѣ съ австрійцами. Геройская защита Рима Гарибальди противъ генерала Удино, съ 35 т. французскаго войска — известна. Когда рѣшено было сдать Римъ на капитуляцію французамъ, Гарибальди созвалъ своихъ волонтеровъ на площади св. Петра и предложилъ имъ броситься въ провинціи, поднять ихъ и драться съ австрійцами. «Я предлагаю вамъ новыя битвы, говорилъ онъ: — новую славу, но съ ними тяжкія труды и опасности. Пусть идетъ за мною тотъ, у кого есть сердце, кто вѣритъ въ Италію.» Пять тысячъ человекъ охотниковъ вызвалось слѣдовать повсюду за любимымъ генераломъ. Выступивъ изъ Рима съ этой горстью храбрецовъ и въ сопровожденіи жены своей, молодой бразильянки, раздѣлявшей съ нимъ всѣ труды и опасности, Гарибальди, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ французами, австрійцами и неаполитанцами, защищаясь съ беззавтною храбростію. Но удержаться было трудно; онъ распустилъ своихъ товарищей; а самъ съ женою, дѣтьми и нѣсколькими друзьями успѣлъ добраться до Венеціи, сѣлъ въ лодку, проскочилъ сквозь руки австрійцевъ, и продолжая путешествіе далѣе, два дня былъ скрываемъ жителями, не смотря на строгое запрещеніе австрійскаго начальства подавать какую либо помощь Гарибальди и его семейству. Но жена его не вынесла всѣхъ испытаній, она занемогла и умерла. Гарибальди одинъ, съ дѣтьми чрезъ Геную и Тунисъ уѣхалъ снова въ Америку.

Однако тоска по родицѣ заставила его опять вернуться въ Италію, гдѣ онъ жилъ въ уединеніи до той минуты, пока готова была вспыхнуть новая война противъ Австріи. Гарибальди однимъ изъ первыхъ явился къ Виктору Эммануилу и получилъ начальство надъ корпусомъ волонтеровъ.

ВѢСТІ СЪ ВОСТОКА.

Намъ пишутъ изъ Константинополя:

« Въ кафедральной армянской церкви, въ *Кумъ-Капу* (въ Стамбулѣ) происходило недавно большое христіанское торжество, по случаю новаго свиданія двухъ константинопольскихъ патріарховъ: греческаго и армянскаго. Нѣсколько недѣль передъ этимъ армянскій патріархъ, *Кеворк* посѣтилъ греческую патріархію. Нынче патріархъ греческій отдалъ ему визитъ. 31 января онъ прибылъ, въ сопровожденіи патріарха александрій-

скаго и многихъ членовъ высшаго греческаго духовенства, въ названную армянскую церковь и былъ принимаемъ патріархомъ Кеворкомъ и армянскимъ духовенствомъ съ особенною торжественностію, при огромномъ стѣченіи народа. Такое сближеніе, въ духѣ христіанскаго братства и единенія, представителей двухъ главныхъ христіанскихъ церквей на Востокѣ произвело весьма благоприятное впечатлѣніе на народъ. Сближеніе это тѣмъ болѣе важно и тѣмъ большее имѣетъ значеніе въ глазахъ того, кому извѣстенъ духъ раздѣленія, существовавшій до сихъ-поръ между духовенствомъ греческимъ и армянскимъ на Востокѣ.»

— Турецкое правительство занято въ настоящее время извлеченіемъ изъ обращенія бумажныхъ денегъ. Отъ 20 до 30 января сожжено *каиме* болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ піастровъ; вслѣдствіе чего въ звонкой монетѣ не терпятъ теперь недостатка въ Константинополѣ, лажъ пустой и курсъ значительно улучшился.

— Изъ Галаца пишутъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Дунаю обнаружилась какая-то новая заразительная болѣзнь, свойствъ которой до сихъ-поръ не могутъ узнать. Она свирѣпствуетъ съ особенною силою въ окрестностяхъ Видина. Въ Русукѣ и по берегамъ Дуная приняты повсемѣстно необходимыя карантинныя мѣры.

— Въ Малой Арменіи, въ гор. *Кейзарей* (*Кайсарія* или Кесарія, въ древн. Каппадокіи) обществомъ армянъ открыты недавно два училища — одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ. До 100 дѣтей обоего пола получаютъ въ этихъ училищахъ первоначальное образованіе и — что особенно важно — учатся теперь армянскому языку; а извѣстно, что всѣ армяне Кейзарей, какъ и во всей Малой Арменіи, говорятъ исключительно по-турецки, и не знаютъ своего роднаго языка. Потому, открытіе сказанныхъ училищъ имѣетъ важное значеніе и въ національно-религіозномъ отношеніи.

Замѣтимъ здѣсь кстати интересный историческій разсказъ о Кесаріи Мойсея Хоренскаго. Онъ говоритъ (книг. 1 гл. XIV) что одинъ изъ первобытныхъ армянскихъ царей, *Арамъ* (современникъ Нина ассирійскаго) пришелъ въ Каппадокію, на мѣсто называемое Кесаріей и покоривъ эту страну, приказалъ жителямъ ея учиться армянскому языку и говорить на немъ. А теперь — армяне Кесаріи сами позабыли свой языкъ!

— Изъ *Діарбекира* (въ Аз. Турціи) пишутъ, что 19 декабря курды изъ племени *Нерибъ* бросились на большое армянское селеніе *Гайши* (въ 12 час. пути отъ Діарбекира), разложили огонь у дверей армянской церкви и ограбили ее совершенно. Турецкое правительство назначило слѣдствіе по этому разграбленію. Такое происшествіе должно-бы поразить насъ и невольно навести на мысль — если такъ поступаютъ съ христіанами на Востокѣ въ виду турецкаго начальства — (Діарбекиръ главный городъ пошалька и мѣстопробываніе начальствующаго паши), то что же должны терпѣть эти бѣдные христіане въ далекихъ углахъ Анатолиі и Арменіи, среди своихъ селъ и деревень отъ мусульманскаго населенія? — Но съ другой стороны мы должны припоминать, что страны эти населены непокорными курдами, племенемъ дикимъ и хищническимъ, съ которыми турецкіи власти дѣлаютъ что могутъ.